Зиновий ПРИГОДИЧ

ЛЕСНОЙ РОДНИК

1

Неожиданно она остановилась и, внимательно посмотрев мне в глаза, заговорщицки спросила:

— Хотите, я что-то вам покажу?

Мы свернули с дороги, перепрыгнули канаву, полную талой воды, и вошли в лес. Метров через двадцать деревья расступились, и под ногами показалась едва заметная лесная тропинка.

— А теперь — повернитесь!..

Я повернулся и посмотрел налево, куда она показывала рукой. По обе стороны тропинки в два ровных ряда стояли стройные молодые березки. На зеленом фоне сосен они были такие ослепительно-белоснежные, что я невольно прищурился.

— Нравится? — тихо спросила она и, не давая мне опомниться, поторопила: — Пойдем-пойдем...

На лице ее можно было ясно прочесть и внутреннюю взволнованность, и нетерпение. Я понял: она вела меня, чтобы показать нечто самое сокровенное.

Березовая аллея вывела нас на уютную лесную полянку, в центре которой струился ручей. Почти у самой воды лежал большой плоский камень.

— Присядем, — сказала она.

Я сел на камень и вопросительно посмотрел на девушку. Она приложила указательный палец к губам и таинственно прошептала:

— Слушайте...

Вокруг царила глубокая тишина. Но нет, постепенно до моего слуха начали доноситься разные звуки: звонкий

щебет какой-то птицы, глухой шум сосновых верхушек, мягкий шепот ручья... Лес жил! Лес рассказывал свою волшебную, вечную сказку.

— А родник вам нравится? — нарушила девушка мою задумчивость.

— Какой родник?

— Вот этот, — она указала на ручей, на то место, где виднелась небольшая заводь, затянутая ряской.

— Самый настоящий лесной родник.

И увидев мое недоумение, она сняла с рук черные тонкие перчатки и протянула мне свою теплую маленькую ладонь:

— Подержите, пожалуйста.

А другой, свободной рукой она осторожно развела в стороны собравшуюся на воде зеленую пленку ряски.

— Смотрите.

Я наклонился. На поверхности колыхались, удивительно изгибая стан, две березки. Где-то за ними, глубоко-глубоко, плыли белые облака. Сквозь чистую, словно кристальную, воду виднелось золотисто-песчаное дно.

— Здо-орово...

— Ага, — кивнула она. А попала я сюда совершенно случайно. Собирали с детьми гербарий... Я теперь почти каждый день здесь бываю. Ученики уже знают, если меня дома нет, здесь ищут.

Она помолчала, усмехнулась чему-то своему, сокровенному. Потом подошла к березке, ласково прильнула щекой к ее белой шероховатой коре.

— А если бы вы знали, — задумчиво сказала она, — как хорошо здесь утром. Ясным весенним утром... Освещенные солнцем, березки такие светлые и прозрачные, что, кажется, видишь, как медленной струей поднимается к верхушкам прохладный сок. И вокруг — первозданная чистота!

«Неужели это та самая девушка? — удивился я. — Как можно иной раз ошибаться в людях...»

2

В клубе уже было полным-полно молодежи. Ждали Степку-баяниста. За ним послали третьего гонца, но он все не появлялся. Танцы задерживались.

Парни толкались в углу возле бачка с водой и, слушая веселого деревенского балагура, отчаянно хохотали. Девушки, закутанные в платки, одетые в длинные старомодные платья, делились друг с дружкой новостями. Время от времени они нетерпеливо поглядывали на дверь. Баяниста все не было.

Чужой человек в деревне всегда является предметом особенно оживленных разговоров: кто он, откуда и зачем приехал? Ощущая на себе со всех сторон заинтересованные взгляды, я начал пробираться к двери с надписью «Библиотека». Дернул за ручку и с облегчением вздохнул: дверь была открыта.

За столом сидела молодая девушка. Когда я вошел, она отложила книгу и повернулась ко мне. Бросились в глаза ее невероятно пышная прическа и черное декольтированное платье. При электрическом освещении блестели длинные, похожие на ледяшки, клипсы.

Девушка заметила, что ее рассматривают. Мне стало неловко, и я торопливо сказал:

— Добрый вечер.

Она манерно повела плечами и окинула меня с головы до ног внимательным взглядом:

— Добрый вечер. Проходите.

Пододвинула мне стул. Сама подошла к окну, распахнула занавеску и, заглядывая в стекло, начала поправлять волосы. Белые на высоком каблуке туфельки не могли устоять на месте.

— Вы работаете здесь, в библиотеке? — спросил я.

М-м... — отрицательно покачала она головой и, выняв из губ длинную заколку, ловко спрятала ее в прическе.

— Заведуете клубом?

Девушка засмеялась:

— Нет, что вы... Я просто так.

— Кто же вы тогда?

— Разве это так интересно? — накрашенные веки взметнулись вверх.

— Конечно.

— В таком случае будем знакомы, — она подала мне руку в черной кружевной перчатке. — Людмила Александровна, учитель младших классов.

Девушка сделала реверанс. В хитроватых глазах — чертики. «Обычная городская модница, — подумалось мне. — Как она только попала сюда, в эту глухую полесскую деревню?»

В танцевальном зале вдруг зашумели.

Чей-то мужской голос обрадованно закричал:

— Ура, Степа-а! Сюда давай, сюда.

Учительница засияла, даже в ладоши захлопала.

— Наконец пришел! Ой, простите.

И заметалась по комнате. Вновь осмотрела себя со всех сторон в окне, расправила декольте, провела по губам ярко-вишневым карандашиком.

— Кажется, все, — притопнула она каблучком и спросила: — Вы идете на танцы?

Я покачал головой.

— К сожалению, не танцую.

Таким, видимо, и осталось бы в моей памяти это первое знакомство, оставившее не самое приятное впечатление о девушке, если бы не один случай...

3

Агитаторы собрались в том же зале, где вчера были танцы. Вынесли из кинозала десяток скамеек, не раздеваясь, расселись. Совещание обещало быть деловым и недолгим. Потому и запланировали его в обеденный перерыв.

Председатель местного колхоза Иван Павлович Чечура кратко рассказал о делах хозяйства, изложил задачи агитаторов на время посевной кампании. Несколько человек поделилось своим опытом. Агитаторов распределили по бригадам и составили план работы.

Уже под конец заведующий агитколлективом Григорий Барановский постучал по столу и хмуро сказал:

— У меня, товарищи, еще такой вопрос. Во второй бригаде крайне плохо выпускается боевой листок. Необходимо это дело поручить более надежному человеку. Подумайте кому.

Зал некоторое время молчал, а потом раздались голоса:

— Белявскую можно.

— Правильно, Александровну! Она справится.

— Как вы, товарищ Белявская, согласны?

— Я согласна, только... не знаю, справлюсь ли?

Голос за спиной показался мне на удивление знакомым. Где я его слышал? Я оглянулся. Это была она! Та самая расфуфыренная модница, с которой я вчера познакомился в библиотеке.

Рядом со мной сидела пожилая женщина с открытым и доброжелательным взглядом.

— Извините, — наклонился я к ней. — Вы Белявскую хорошо знаете?

Женщина усмехнулась:

— Как вам сказать... Она в нашей школе не работает. В соседней, Теснянской. Но так знаю. Хороший агитатор. Активная, в художественной самодеятельности участвует.

— В самодеятельности?

— Да еще как! — с гордостью подтвердила женщина. — И в драмкружке, и в хоре, и стихи декламирует.

— Вот я вам расскажу такой пример, — она наклонилась ко мне ближе и полушепотом заговорила. — Взялась она как-то за «Реквием» Рождественского. Многие сомневались: поймут ли? В деревне же, сами знаете, на концерты идут все: дети, старики, бабы неграмотные. И вдруг им — «Реквием». Белявская все же настояла на своем, читала. И если бы вы знали, как ее слушали! Муха не пролетела. Только слезы в глазах блестели. А бабы, так те вообще...

Мы не договорили. Совещание объявили закрытым.

На дворе стоял ясный весенний день. В чистой нежной голубизне неба роскошно купалось солнце. Кричали грачи. Где-то вблизи, на дереве, пел скворец. И мне вдруг нестерпимо захотелось познакомиться с этой девушкой ближе, поговорить с ней.

Я догнал Белявскую уже за деревней, на дороге, которая вела в Тесну. Она шла неторопливо, опустив голову. Резиновые сапожки мягко шлепали по весенним лужам. Девушка теперь была совсем другая — притихшая, задумчивая. Казалось, она к чему-то внимательно прислушивалась.

На мои шаги Белявская обернулась. На ее лице промелькнула тень удивления.

— Г-м, — кашлянул я. — Можно мне с вами? Нам по пути.

— Как хотите.

Мы пошли рядом.

4

— Что вы так на меня смотрите?

Она отошла от березки и снова наклонилась к роднику.

— Люда, — сказал я. — А как ты попала сюда, в эту деревню?

— Как? Очень просто. Поступала после школы в пединститут — не прошла по конкурсу. Одного балла не хватило. На сочинении потеряла. Самое обидное, что по содержанию оно было лучше, чем у остальных (это мне уже потом сказали, в приемной комиссии), а вот ошибок... И, главное, каких? Запятую не поставила перед «чтобы», двоеточие пропустила...

А виновата сама. Рядом со мной на экзамене сидела какая-то деревенская девушка. Ох, как она дрожала! Вы бы только видели. Под конец белая вся стала. Три каких-то несчастных листа проверяла раз десять. Водит пальцем, как слепая, по тетради, а у самой руки трясутся, трясутся. Не люблю я таких. Зло меня какое-то разобрало — невозможно. И вот, глупая, додумалась. Написала целую тетрадь и, не проверив, демонстративно закрыла ее, положила на край. Думаете, моя соседка что-то поняла? А-а...

Она махнула рукой и, помолчав, заговорила снова:

— Ну вот... А потом меня направили в школу пионервожатой. Сначала все шло хорошо. Меня поддерживали, хвалили. А потом со временем я увидела, что некоторые из учителей думают больше о деньгах, чем о детях. Живут обособленно, каждый сам по себе. Я так и сказала им на педсовете. После этого, конечно, работать там я больше не могла. Я перевелась в Тесну и очень довольна. В этом году буду поступать на заочное.

— А не скучно тут, Люда?

— Как когда. Бывает и скучно, и грустно. Тогда я иду в лес. Он все понимает, все чувствует и успокаивает меня лучше всех. Часами я могу бродить между сосен, берез, сидеть на этом камне, слушать родник. Тут так хорошо думается, чисто, легко мечтается. Иногда... иногда я беру кисть, чтобы передать все это на бумаге, но... как бы вам сказать? Красоту надо понимать сердцем, а когда я начинаю ее осмысливать, воспринимать разумом — у меня всякое желание рисовать пропадает... К тому же я еще очень беспомощна перед всем этим великолепием, которое сложно передать словами и красками...

Солнце уже перевалило за полдень, начало заметно увеличиваться и, как бы тяжелея, с каждой минутой неторопливо опускалось к верхушкам деревьев. На сырую землю ложились первые тени.

Люда зябко повела плечами, сказала:

— Пойдем... Меня уже давно ждут дома.

Она застегнула пальто, надела перчатки и пошла по аллейке, гордая, ярко-модная среди тихой и скромной красоты леса.

Отходя, я еще раз взглянул на ручей. Поверхность его была снова покрыта зеленью ряски. Родник прятал свое великолепие.

Перевод с белорусского Ирины ШЕЙБАК